

52-й
ВЫПУСК

Недавно в Большом театре чествовали артиста, имя которого хорошо известно любителям оперного искусства. Исполнилось 25 лет с того дня, как Александр Огневцев стал солистом ГАБТа. За эти четверть века он сделался обладателем многочисленных призов и дипломов, лауреатом всесоюзных и международных конкурсов. Сегодня народный артист СССР, лауреат Государственной премии СССР Александр Огневцев — в гостях на 13-й странице.

— Как настроение, Александр Павлович? Какие чувства вызвал у вас юбилей?

— Настроение и самочувствие превосходные. А юбилей... Видите ли, с годами становишься требовательнее, взыскательнее к себе и своей работе, многое сделанное не удовлетворяет. Нечто подобное испытываю и я.

— Вы ведь с первого класса школы пели, и неплохо получалось, не так ли?

— Верно, петь люблю с детства. Но в молодые годы я считал, что голос у меня маленький и неизвестно какой, то ли тенор, то ли баритон; что ж, мол, людей смешить? И все-таки однажды насмешил. Было это в воинской части, где я служил связистом. Уговорили меня выступить на вечере художественной самодеятельности. Вышел на сцену и — забыл слова, забыл мелодию... Стоял, открывал и снова закрывал рот, без единого звука. Зрители решили, что это пародия, смея-

ют гражданственность позиций театра.

— Вероятно, важна и точная цель в выборе репертуара, четкое понимание, во имя чего осуществляется постановка...

— ...чем и как обогатит зрителя, станет ли для него праздником. Сейчас Большой театр намерен выпустить оперу О. Тактакишвили «Похищение луны». Большой театр принял к постановке оперу К. Молчанова «А зори здесь тихие». Эту оперу главный режиссер театра профессор Б. Покровский ставит и в Праге. Быть может, таким путем мы придем к опере о наших современниках, героических людях, тружениках.

— В апреле 1975 года Большому предстоит гастроль в США. Выступления театра во Франции, Италии вызвали истинную сенсацию, отзывы были самыми лестными. Что вы думаете по этому поводу?

— Я-то уверен, что наш Большой — сильнейший в мире и по репертуару, и по составу исполнителей, и по диапазону художественных поисков. Споры нет, итальянские мастера поют великолепно. Но наши не хуже! Да, были когда-то времена Карузо, Гобби, Руффо, Джильи... Сейчас успех Образцовой, Синявской за рубежом не меньше успеха Риччарелли, Коссото, Раймонди... Особенно в русской классике: тут нам, не считая за нескромность, равных нет.

— Так считают и многие выдающиеся зарубежные певцы, с которыми мне довелось беседовать, — Доминго, Христов, Гауров, Скотто, Паваротти...

— И правильно, потому что это действительно так.

— Александр Павлович, вот смотрю я на вас и думаю: этого человека природа силой не обидела!

— А басы хилыми не бывают!

— Каков ваш вес и рост?

— 112 килограммов, метр девяносто два.

— Вам влору на ринге выступать. И кулаки, как гири.

— Ну, на ринге вряд ли. Я довольно флегматичен, вывести меня из равновесия нелегко, а такие в боксе, как правило, успеха не имеют.

— Хорошо. Оставим спорт. Мы слышали, что вы страстный садовод.

— А как же! Каждый год сажаю и пересаживаю молодые деревца десятками. Представьте, пройдут годы, нас с вами уже не будет, а дубы и клены будут шуметь, радовать глаз мощью и красотой!

— И последнее. Вы гость 13-й страницы...

— ...и как я отношусь к числу 13? Знаете, равнодушно! Я не суеверен.

— Но есть же у вас примета или талисман?

— Мой «талисман» — ложка меда в стакане теплого чая перед выходом на сцену.

Гостя принимал и расспрашивал

Юрий БЕСПАЛОВ.

АЛЕКСАНДР ОГНЕВЦЕВ

лись, аплодировали. Подошел конференсье, взял меня за руку и увел со сцены. В тот вечер я поклялся никогда не петь на людях. Как видите, не сдержался...

— Как же это произошло?

— Друзья все-таки потребовали, чтобы пошел на прослушивание. Так я стал студентом Кишиневской консерватории. На одном из концертов меня услышал Семен Михайлович Буденный, приехавший в 1948 году в Молдавию. Испытываю чувство глубокой признательности к этому замечательному человеку. Семен Михайлович посоветовал поехать в Москву на смотр вокальных факультетов консерватории страны. Там меня заметили будущие мои наставники и педагоги — Антонина Васильевна Нежданова и Николай Семенович Голованов. Закончив за один год два последних курса, я был приглашен в Большой театр. Тогда на его сцене блистали Шумская, Шпиллер, Пирогов, Михайлов, Козловский, Норцов, Рейзен... Вместе со многими из них мне посчастливилось выступать, работать.

— Словом, актерская судьба удалась...

— На судьбу грех жаловаться. Через несколько дней после моего зачисления в труппу на репетицию пришел Голованов. «Собираешься петь «Хованщину»? — спрашивает. «Спою», — отвечаю. А он: «Мальчишка! Уже на «Хованщину» замахиваешься!». И все-таки через месяц я спел партию Досифея в «Хованщине» Мусоргского, за что и получил Государственную премию СССР. Затем последовали такие работы, как Мефистофель, Борис Годунов, Бестужев, Иван Грозный, Греммин, Филипп, Дон Базилио...

Сейчас у меня в репертуаре более двадцати ролей.

— Но есть, наверно, роль, которую вы мечтаете сыграть? Говорят, вы вообще невероятный мечтатель и к тому же фантазер...

— Плохо, когда человек не умеет мечтать. А уж артисту творческое воображение необходимо. Знаете, как-то на рыбалке засмотрелся на облако, замечтался, а потом гляжу — ни поплавок, ни удочки... Если серьезно, то давно хочу спеть Дон Кихота в опере Массне. Но личные желания иногда идут вразрез с планами театра. Не устаю говорить молодым: «Пойте то, что нужно не вам, а вашему театру!» Дисциплина! Она для меня превыше всего. Еще в школе, в той самой краснодонской школе имени Горького, где учились герои-молодогвардейцы, мне привили это качество.

— Вы лично знали героев «Молодой гвардии»? Олега Кошевого, Любу Шевцову, Ивана Земнухова?

— Знал, но не всех. Когда я жил в Краснодоне — в 1932—1936 годах, Олега Кошевого там не было, он приехал с родителями из Канева в 1940 году, а мы тогда уже жили в Барнауле, куда перевели на работу моего отца, машиниста паровозного депо (отцу сейчас 88 лет). А вернулся я в Донбасс лишь в 1943 году, когда мы там восстанавливали связь. О делах подпольщиков рассказал мне друг детства Иван Туркенич.

— Вы сказали о дисциплине, о необходимости считаться с интересами театра. Что, среди начинающих артистов есть такие, кому приходится напоминать о дисциплине?

— Не то чтобы о дисциплине... У некоторых появляется зазнайство, высокомерие, самоуспокоенность... Бывает, приходит молодой певец в театр, споет удачно одну-две партии и уже считает, что ему равных нет. Прислушивается к рукоплесканиям, и голова начинает сладко кружиться. А лучше, если судьба строже, злее к начинающему таланту; истинная слава дается «кровью жил и соком нервов».

— Вдохновение частый ваш гость?

— В этом одна из проблем нашей профессии. Есть вдохновение или нет, петь все равно надо, афишу не изменишь. И вот отыскиваешь какие-то внутренние резервы сил, чтобы зритель не почувствовал, что сегодня ты «не в ударе». Выручает режим, строжайший, порой просто изнурительный. И устаешь больше не от пения, а от режима: «Не говори много», «Не употребляй жирного», «Не пей горячего...»

— В вашем концертном репертуаре около 300 произведений. Что предпочтительнее: знать больше романсов и песен, или «лучше меньше, да лучше»?

— Свою концертную программу я готовлю целый год и пою ее единожды в сезоне. Не могу и не хочу разбазаривать накопленный материал; считаю, что в таком случае терять новизну, становись чересчур обычным.

— К чему же стремитесь вы в творчестве?

— Проникать в социально-психологическую атмосферу того или иного времени и создавать образы, близкие восприятию современного слушателя, — вот какую задачу я ставил и

ставлю перед собой. Неудовлетворенность собой в каждом спектакле рождает движение вперед. Великий Шаляпин ни разу не повторился в роли, независимо от того, играл ее дважды или сто раз.

— Кстати, о Шаляпине. Вы на него чем-то похожи, даже внешне...

— Знаете, как-то я пел в парижской «Гранд Опера», и после концерта журналисты сказали мне то же самое. Я ответил им, как отвечаю вам: некоторая моя внешняя схожесть с Федором Ивановичем Шаляпиным — лишь счастливый «зигзаг природы». Я хорошо знаком с семьей Шаляпина. И жена его, Иола Игнатьевна Торнати, в прошлом прима-балерина «Ла Скала», и сын Федора Ивановича Борис, и дочь Марина ко мне всегда относились чрезвычайно тепло. Всякий раз, когда бываю в Италии, во Франции, я знаю: предстоит очередная чудесная встреча с детьми Шаляпина (Иола Игнатьевна не так давно скончалась). У меня немало подарков от этой семьи — память о великом певце.

— Что вы думаете о состоянии сегодняшнего оперного искусства?

— Тема эта сложная. Нередко наблюдается тенденция к превращению оперного дела в своего рода «музей классического наследия». Нет, я не против классики! Но есть же понятие — гражданственность искусства; оно вбирает в себя и современный взгляд на классику, и поиск новых изобразительных средств, и переосмысление традиций... Оперная режиссура сейчас тянется к творчеству Сергея Прокофьева: оно привлекает идеями, волнующими сегодня. В Большом идет несколько спектаклей, считая балеты, на музыку Прокофьева. Последняя большая работа — опера «Игрок» по Ф. Достоевскому. На мой взгляд, спектакль поставлен талантливо не только с точки зрения профессиональной; он во многом опреде-